

Скрипучая деревянная дверь приоткрылась, и в щель осторожно просунулась маленькая голова.

Сердце Янь Даня на мгновение пропустило удар.

Это было очень красивое детское личико лет шести-семи, бледное, с плотно сжатыми губами, в которых читалась не по годам ранняя зрелость и сдержанность. Волосы были стянуты простой матерчатой лентой, несколько прядей падали на лоб. Но самое примечательное — глаза, чёрные, как самая глубокая ночь, и яркие, как лёд, пронзённый холодной звездой. Сейчас они не мигая, с настороженностью и любопытством смотрели на него.

Это был Ин Чжэн!

Живой, семилетний братец Чжэн!

Янь Даню показалось, что дыхание остановилось. Огромная радость фаната, встретившего кумира, смешалась с абсурдностью перемещения во времени, отчего в голове зашумело.

Малыш, видя, что Янь Дань застыл и молчит, насторожился ещё сильнее, инстинктивно отступил назад и тихо, с хрипотцой, словно боясь вспугнуть, спросил:

— Дань... твоя рана... как? Получше?

— Братец Дань?

Это мягкое, с оттенком робости обращение «братец Дань» словно перышком коснулось сердца Янь Даня, вызвав и щемящую нежность, и внезапный взрыв его толстого слоя фанского восхищения и жалости!

Он невольно вспомнил свою прошлую жизнь в детском доме.

Воспитатели были постоянно заняты, едва успевали готовить и убирать, им было не до каждого ребёнка. Будучи постарше, он сам стал «вожаком» для малышни: водил их играть, рассказывал истории, неловко утешал, когда они падали и плакали...

Сейчас, глядя на этого худого, бледного мальчика с глазами, полными не по годам серьёзной осторожности, он словно увидел тех младших братьев и сестёр, что жались по углам детдома, жаждали внимания и боялись обиды.

Фанский фильтр наложил на воспоминания детства, и на лице Янь Даня расцвела огромная, ослепительная улыбка, уголки губ растянулись чуть ли не до ушей. От него так и веяло глуповатым сиянием: «Иди ко мне, я тебя приголублю». Он приветливо помахал рукой:

— Гораздо лучше, гораздо лучше! А Чжэн, заходи скорее! Что стоишь на пороге?

Маленький Ин Чжэн опешил от такой чрезмерно яркой, не похожей на прежнюю улыбки. В его чёрных глазах мелькнуло явное недоумение и подозрение.

Прежний Цзи Дань хоть и проявлял к нему доброту, но это было молчаливое сострадание сверстников или же меланхоличная, трусливая манера заложника.

Разве он когда-нибудь был таким... таким солнечным и беззаботным?

Может, он правда ударился головой, когда упал с лестницы, и повредил мозги?

Маленький лоб Ин Чжэна едва заметно нахмурился. Он стоял на пороге, не двигаясь, и вглядывался ещё пристальнее.

Янь Дань, видя, что тот не идёт, внутренне напрягся.

Плохо! Не вписывается в образ!

Сейчас он — Цзи Дань, а не тот жизнерадостный студент-историк из XXI века!

Нужно сбавить обороты, а то распугаю малыша.

Он поспешно умерил излишнюю восторженность на лице, но тепло и доброта в глазах остались. Он всё так же мягко уговаривал:

— На улице холодно, заходи, я уже в порядке.

Может, искренность во взгляде Янь Даня не казалась наигранной, может, ещё оставалась та доля взаимной поддержки за последнее время, — маленький Ин Чжэн, поколебавшись, наконец шагнул и медленно вошёл.

Он остановился в двух шагах от кровати, всё ещё соблюдая дистанцию. Ясные чёрно-белые глаза изучали Янь Даня, особенно его перевязанную правую руку.

Сердце Янь Даня растаяло от умиления. Ему хотелось немедленно принести всё лучшее на свете и положить перед ним.

Точно! Система! Очки! Молочные конфеты!

Он быстро сосредоточился, мысленно вызвал панель Системы и, глядя на жалкие 10 начальных очков, не колеблясь, потратил 2.

[Очки -2, остаток 8.]

В следующее мгновение в его чуть сжатой ладони, откуда ни возмись, появились две конфеты, завернутые в самую простую промасленную бумагу, — по здешним временам невиданная редкость.

Густой сладкий молочный аромат мгновенно разлился, чуждый затхлому воздуху комнаты.

Взгляд Ин Чжэна тут же приковался к ним. Маленький нос едва заметно дрогнул, в чёрных глазах мелькнули удивление и любопытство, но больше — настороженность.

Он никогда не видел ничего подобного. Сладкий запах инстинктивно притягивал его вечно недоедающее тело, но он сдержался и просто смотрел.

Янь Дань улыбнулся и протянул одну конфету:

— На, А Чжэн, попробуй. Это особые конфеты из княжества Янь, очень сладкие.

Ин Чжэн посмотрел на конфету, покоящуюся на ладони Янь Даня и источающую соблазнительный аромат, но не взял её. На его лице застыли сомнение и настороженность.

Дети, выросшие в незнакомой обстановке, инстинктивно подозревают любую внезапную «доброту».

Янь Дань мысленно вздохнул, но не подал виду. Он совершенно естественно взял вторую конфету, развернул грубую бумагу, положил в рот белый квадратный кусочек, преувеличенно зажмурился и изобразил блаженство:

— Ммм! Как сладко! Очень вкусно! А Чжэн, попробуй скорее, правда вкусно!

Густой молочный вкус и сладость растаяли у него во рту, и он от удовольствия прикрыл глаза.

Конфеты из Системы оказались на редкость чистыми на вкус.

Увидев, что Янь Дань сам съел конфету и выглядит вполне здоровым и довольным, Ин Чжэн немного ослабил бдительность.

Он неуверенно протянул маленькую руку, осторожно взял конфету и, подражая Янь Даню, неуклюже попытался развернуть обёртку.

Янь Дань едва удержался, чтобы не помочь, но сдержался и только ободряюще смотрел.

Наконец развернув бумагу, Ин Чжэн посмотрел на маленькую молочную конфету, затем снова взглянул на Янь Даня, чьё лицо сияло ожиданием и почти материнской нежностью, и решился. Он высунул розовый кончик языка и очень быстро, пробуя, лизнул конфету.

Всего один раз.

И в тот же миг невероятная, никогда не испытанная сладость, смешанная с густым молочным вкусом, словно маленькая бомба, взорвалась у него на языке!

Глаза Ин Чжэна широко распахнулись, в чёрных зрачках ясно отразились шок и изумление.

Он инстинктивно сжал губы, лицо стало сосредоточенным, будто он пытался удержать мгновенно взорвавшееся сладкое ощущение. Даже глоток он сделал с особой торжественностью.

[Динь! Обнаружено, что Ядро источника энергии (Ин Чжэн) употребило высококалорийную сладость. Физиологическое удовольствие повышено, возникло лёгкое чувство счастья. Поглощение энергии +1. Начислены очки: +2! Текущие очки: 10.]

Звуковой сигнал Системы обрадовал Янь Даня!

Сработало!

Он мягко улыбнулся и, понизив голос, словно делаясь великой тайной, сказал:

— Ну как? Сладко? Соси потихоньку, не жуи, так дольше хватит.

Ин Чжэн поднял на него взгляд. Взгляд этот был сложным: остатки настороженности, восторг от вкуса сладкого, недоумение по поводу поведения Янь Дани — и всё это растворилось в едва заметном расслаблении.

Он послушно положил конфету в рот и принялся сосать, чувствуя, как медленно тает, разливаясь непрерывной сладостью. Его напряжённые плечи чуть-чуть опустились.

Он молчал, просто стоял с конфетой во рту, изредка касаясь её языком, ощущая непривычную текстуру.

Дождь за окном, казалось, стих, остался лишь мелкий, едва слышный шорох.

В убогой комнатке Дома для заложников разлился лёгкий, тёплый молочно-сладкий аромат.

Янь Дань смотрел на спокойно сосущего конфету Ин Чжэна, и его распирало чувство гордости. Словно он приручил дикого котёнка, который после долгой настороженности наконец принял угощение.

Первый шаг: прикормка удалась! Очки получены!

До его великой цели — «стать той опорой, которую Ин Чжэн никогда не предаст» — был сделан маленький, но прочный и сладкий шагочок.

<http://bllate.org/book/18665/1800128>